

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 314(57)(09)
ББК 60.73(2Рос)г

Г. А. ЦЫКУНОВ
*доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права*

НУЖНЫ ЛИ СИБИРИ НОВЫЙ СТОЛЫПИН И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗЫВ?

Анализируется исторический опыт формирования населения Сибири и современная демографическая ситуация. Отмечается, что особое место в ряду территориальных приобретений России занимает Сибирь с ее огромным пространством и гигантскими ресурсами. Рассматриваются основные этапы массового переселения в Сибирь, участие государства в этом процессе. На примере переселенческой политики П. А. Столыпина обосновывается государственный подход к освоению новых территорий. Описываются организационные, финансовые мероприятия, которые обеспечивали перемещение населения из западных районов страны в сибирские регионы. Представлены результаты исследования вопросов формирования населения Сибири в советский период истории, когда они были тесно связаны с реализацией государственных программ по развитию восточных районов страны. При рассмотрении демографических процессов в Сибири проводится анализ источников пополнения населения, форм комплектования трудовых коллективов. Особое внимание уделяется общественному призыву, который охватил массовое движение молодежи на сооружение новых промышленных предприятий и городов. Рассматриваются демографические последствия рыночных реформ в сибирских регионах, кризисное состояние модели градообразования. На основе статистических данных представлены возможности оценить демографическую ситуацию в районах Сибири и Дальнего Востока. Делается акцент на необходимость изучения и использования исторического опыта для современной практики.

Ключевые слова: Сибирь; население; общественный призыв; естественный рост (убыль).

G. A. TSYKUNOV
*Doctor habil. (Historical Sciences), Professor,
Baikal State University of Economics and Law*

WHETHER SIBERIA REQUIRES A NEW STOLYPIN AND A PUBLIC APPEAL?

The article analyses historical experience of forming the population of Siberia and modern demographic situation. It is noted that Siberia with its huge space and giant resources holds particular place among territorial acquisitions of Russia. It also considers the main periods of massive migration to Siberia, state participation in that process. Using an example of Stolypin migration policy the state approach to developing of new territories is proved. Organizational, financial measures that provided population migration from western regions of country to Siberian territories are described. The results of investigations issues of forming the population of Siberia at Soviet period of history, when they were connected with realization of the state programs on development of eastern regions of country are presented. Considering demographic process in Siberia the author makes the analysis of population growth sources, staff recruiting forms. Particular attention is paid to public call-up that covered massive youth movement to construction of new industrial establishments and towns. The article also considers demographic consequences of market reforms in Siberian regions, recessionary state of town-forming model. Based on statistics it is possible to estimate demographic situation in territories of Siberian and the Far East. Finally, the particular emphasis on necessity to investigate and use historical experience for modern practice is made.

Keywords: Siberia; population; public appeal; natural growth (decrease).

Одной из особенностей Российского государства являлось непрерывное территориальное расширение страны. Оно продолжалось в течение многих столетий, определяя облик государства, его экономику, культурный уклад населения. Известный русский историк В. О. Ключевский очень точно подметил, что славянское население, продвигаясь по равнине, постоянно переселялось, покидая насиженные места и садясь на новые. Исходя из этого, он сделал классический вывод, что история России — это история колонизирующейся страны [2, с. 34].

Создание Московского царства определило политику постоянного расширения государственных границ. Присоединялись территории, заселенные не только славянскими народами, но и другими этносами с противоположной религией, культурой, хозяйственным укладом. Зачастую приращивание новых территорий определялось стратегическими интересами государства. Так, с присоединением Казанского и Астраханского ханств Россия получила столь необходимый ей волжский путь в Каспийское море. Походы Ермака обернулись присоединением территорий Сибирского ханства, что положило начало евразийскому облику страны. Присоединение Крыма укрепило южные границы Российской империи и знаменовало собой главенство на Черном море над своим давним соперником Турцией. Однако некоторые моменты территориального расширения страны не диктовались государственными и экономическими интересами и выглядели довольно странными. Примером подобного может служить присоединение Аляски, географическое положение которой не могло обеспечить охрану и хозяйственное освоение территории.

Особое место в ряду территориальных приобретений России занимает Сибирь с ее огромным пространством и гигантскими природными ресурсами. В числе первых колонизационных контингентов Сибири были вольные казаки, стрельцы, крестьяне-переведенцы, раскольники, проштрафившиеся дворяне. Освоение Сибири началось как чисто пушное предпринимательство. Для государства было выгодным делом получение валютного ясака, а для землепроходцев — прибыли от добычи той же пушнины. В дальнейшем важную роль в заселении Сибири стала играть

горная промышленность. Кадры для горных заводов формировались за счет беглых крестьян, ссыльных, раскольников. Однако основным источником заселения Сибири в XVII в. являлись государственные крестьяне. Данный факт позволяет считать, что уже в тот период определялась государственная политика в заселении и освоении Сибири.

Массовое переселение в Сибирь произошло в так называемый период развития капитализма. В 1896 г. образовывается Переселенческое Управление, начавшее проводить работы по заготовке участков в местах водворения. Царское правительство издает ряд законодательных актов по изъятию для колонизирующих надобностей степных земель, заселенных коренными народами. В связи с постройкой Сибирской железной дороги движение в Сибирь приобретает характер массовых аграрных переселений. Большинство переселенцев оседало в степных и лесостепных районах, сходных по ландшафтным условиям с прежними местами проживания. Под влиянием переселенцев, селившихся на пустовавших землях, коренное население переходило к оседлости и начинало заниматься земледелием. Переселенцы организовали в Сибири маслобойное дело, кустарные промыслы, привели новые породы скота.

Историческим примером государственного подхода к освоению новых территорий является переселенческая политика П. А. Столыпина. Его аграрная реформа предоставляла крестьянам права на выход из общины на хутора и отруба, а также на переселение в восточные районы страны, прежде всего в Сибирь. Одновременно решались вопросы земельного дефицита в западных губерниях и хозяйственного освоения огромных сибирских просторов. Прогрессивное значение переселения крестьян на окраины Российской империи признавали даже советские ученые.

Следует отметить, что переселенческая политика была не просто политическим решением правительства, а имела необходимую нормативно-правовую базу, финансовые и организационные составляющие. В центральных и западных губерниях были созданы переселенческие отделы, которые проводили разъяснительную работу среди крестьян, занимались организационными

мероприятиями по переселению. Они рассылали в Сибирь бланки для заполнения информацией о климатических и почвенных условиях районов переселения, о видах сельскохозяйственных культур, их урожайности, наличии складов, мельниц, о ценах на продукцию и постройку домов.

В сибирских губерниях действовало несколько структур, занимающихся переселением: Заведующий восточным районом передвижения переселенцев, губернские Заведующие землеустройством и переселением, губернские переселенческие пункты. В Иркутской губернии вопросами переселения занимались также Иркутское губернское управление (отделение крестьянское), Управление государственными имуществами Иркутской губернии и Забайкальского края. В губернии работали Иркутский, Балаганский, Верхотенский поземельно-устроительные отряды, которые занимались изысканием и нарезанием земельных наделов. Согласно архивным данным в Иркутскую губернию переселялись крестьяне из Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской, Смоленской губерний.

Первоначально в сибирские районы прибывали ходоки. К примеру, в 1910 г. в Иркутской губернии побывало 2 077 ходоков¹. Они осматривали и оценивали предлагаемые земельные участки исходя из плодородия земель, наличия рек, озер, лесных массивов, дорог. По возвращении домой они докладывали сельчанам о новых условиях жизни. После этого принималось решение о переезде в Сибирь. Движение переселенцев отслеживалось в путевых журналах на станциях Тулун и Иркутск. Согласно законодательству переселенцам выдавались денежные ссуды на хозяйственное устройство. По мере возможностей для создания крестьянских хозяйств предоставлялись домашние животные, сельхозинвентарь. В районах переселения действовали бригады мастеровых, которые возводили для переселенцев жилые дома и хозяйственные постройки, почти в каждой волости располагались склады строительных материалов.

Главным управлением землеустройства и земледелия были разработаны Условия

службы медицинского персонала в переселенческих организациях. К примеру, оклады содержания врачей в Тобольской, Томской, Енисейской губерниях определялись 1 800 р. в год, в Иркутской — 2 400 р.² Врачам и фельдшерам предоставлялись казенные квартиры, выдавались подъемные деньги в размере месячного содержания на проезд по железной дороге. Разъезды медицинских работников по населенным участкам оплачивались Переселенческим управлением. Оно также занималось выделением школьных участков. В 1910 г. в переселенческих участках Иркутской губернии действовали 52 школы, хотя только шесть из них располагались в собственных зданиях, а остальные располагались в наемных зданиях³. Незначительные средства выделялись на постройку новых церквей и молельных домов.

Наибольший приток переселенцев в Иркутскую губернию выпал на 1908–1910 гг. За этот период в регионе обосновались 7 614 семей с общим числом душ 22 140. Однако часть переселенцев из-за хозяйственных трудностей, невозможности адаптации к новым условиям жизни возвращались обратно. В 1910 г. из прибывших 2 246 семей 373 вернулись в прежние места проживания⁴. В целом в Сибирь за 1906–1911 гг. по последним данным прибыло 3,3 млн переселенцев [7, с. 41].

Таким образом, государственная политика по переселению крестьян в Сибирь способствовала земледельческому освоению ее районов и создала необходимые социальные и экономические условия для крупномасштабного развития производительных сил в советский период истории.

Первой, национального значения, программой промышленного освоения Сибири стало создание Урало-Кузнецкого комбината. Строительство и освоение Кузнецкого металлургического комбината, угольных предприятий, создание новых городов и поселков потребовало привлечения десятков тысяч работников, что сказалось на быстром росте населения Западной Сибири. Притоку населения также способствовало перемещение в Сибирь производственных мощностей в годы Великой Отечественной войны.

² Там же. Оп. 5. Д. 23. Л. 5.

³ Там же. Оп. 1. Д. 256. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 25. Л. 14, 29.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 256. Л. 26.

Следующей крупной программой в развитии производительных сил Сибири стала реализация Ангаро-Енисейского проекта, который положил начало крупномасштабному освоению ресурсов Красноярского края и Иркутской области. Широкое гидроэнергетическое строительство на Ангаре и Енисее стало основой для формирования целой системы территориально-производственных комплексов (ТПК): Братско-Усть-Илимского, Саянского, Канско-Ачинского. Все это вызвало массовое привлечение рабочей силы на новые стройки и предприятия. С 1959 по 1979 г. население региона увеличилось с 4 764 тыс. чел. до 6 024 тыс. чел. или почти на 30 %¹.

Третьей государственной программой хозяйственного освоения Сибири стало формирование и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В течение 1964–1985 гг. на территории этого комплекса возникло 15 новых городов и свыше 30 поселков городского типа. За этот период население региона увеличилось с 1 200 тыс. чел. до 3 100 тыс. чел. [4, с. 39]. Создание широкой сети городских агломераций имело далеко идущие последствия. Уже тогда ряд ученых и специалистов предлагали вести освоение природных ресурсов в северных и малообжитых районах вахтовым способом. Разумеется, что «вахта» не требовала огромных финансовых вложений в добычу нефти и газа. В то же время этот метод имел не только отрицательные социальные, медицинские последствия для работников-временщиков, но и противоречил государственной доктрине укрепления северных территорий. Созданная в советское время на Тюменском севере развитая социальная инфраструктура позволяла сдерживать отток населения и обеспечивать необходимый уровень добычи топливных ресурсов.

Последней государственной программой развития восточных районов страны стало сооружение Байкало-Амурской магистрали. Ее сооружение открыло доступ к богатейшим месторождениям меди, олова, урана, угля, железных, титановых и свинцово-цинковых руд. На БАМе было создано более 300 строительных и производственных организаций. Темпы роста населения в районах БАМа прочно заняли лидирующее положение

в демографии страны. В 1970–1980 гг. население зоны БАМа увеличилось примерно на 32,5 % против по РСФСР и 10,3 % по СССР. В 1985 г. население районов, прилегающих к БАМу, составляло 1 393,6 тыс. чел., причем 55 % от общего прироста населения приходилось на долю мигрантов [1, с. 281].

Одним из главных последствий хозяйственного освоения Сибири стало формирование крупного контингента населения. С 1959 по 1989 г. население Сибири увеличилось с 16 632 тыс. чел. до 21 068 тыс. чел. или на 21,1 %. Наибольший прирост населения был в Тувинской АССР — 44,2 %, в Иркутской области — 30 %, в Красноярском крае — 27,5 %, в Томской области — 25,5 %, в Омской области — 23,2 %. По переписи населения в 1989 г. общая численность населения Сибири составляла 21 068 тыс. чел. или 14,3 % от общей численности населения РСФСР².

При рассмотрении демографических процессов в Сибири необходимо проведение анализа источников пополнения населения. Особенностью естественного движения населения являлся повышенный уровень прироста в районах нового освоения в сравнении с другими обжитыми территориями. Так, к примеру, в 1970 г. естественный прирост населения в расчете на 1 тыс. чел. составлял в бурно развивающемся Братско-Усть-Илимском комплексе 17,0, тогда как в целом по Иркутской области — 9,8 [6, с. 80]. Подобная картина наблюдалась во всех новых городах с молодежной структурой жителей.

Однако даже столь высокий естественный прирост населения в новых районах освоения был недостаточным для формирования необходимого трудового потенциала. Для реализации крупных народнохозяйственных проектов Сибири всегда требовалось привлечение населения из других регионов страны. И здесь, как еще в период столыпинских реформ, нельзя было обойтись без государства. Численность населения в Сибири во многом зависела от процессов развития новых трудовых коллективов, их состава и источников пополнения. В свою очередь последние оказывали большое влияние на процессы формирования населения, его качественные характеристики.

¹ Российский статистический ежегодник. 2011 : стат. сб. М., 2011. С. 78.

² Там же.

Как показывает исторический опыт, использовались различные формы комплектования рабочих коллективов. В довоенный период в основном использовались мобилизационные формы переселения в Сибирь. Наркомтруда СССР создал мощный вербовочный аппарат, который обеспечивал кадрами сибирские стройки и предприятия. Большую часть организованного набора составляли сельские жители. Массовую рабочую силу составляли также спецпереселенцы и заключенные. В послевоенные годы на смену оргнабору пришли такие формы, как прием на месте и по вызовам отделов кадров, по направлению профтехучилищ, набор демобилизованных воинов.

С современных позиций наибольший интерес представляет общественный призыв, который охватил массовое движение молодежи на сооружение новых промышленных предприятий и городов. Он широко использовался партийными, советскими, комсомольскими и хозяйственными организациями для формирования трудовых коллективов. Большая часть молодежи приезжала в Сибирь в составе ударных комсомольских отрядов, сформированных на добровольных началах. Сибирь влекла молодежь не только «запахом тайги», но и стремлением устроить свою жизнь, улучшить свое материальное положение. Определенную поддержку в достижении этих ориентиров оказывало государство. В районах нового освоения устанавливался повышенный районный коэффициент заработной платы, создавались условия для профессионального роста.

В 1980 г. на территории Ангаро-Енисейского региона 14 крупнейших строек являлись Всесоюзными ударными, на которых трудилось более 48 тыс. чел. А всего на строительных объектах этого региона по общественному призыву трудилось примерно 17 % от общего количества принятых за год [6, с. 80]. С 1966 по 1986 г. на строительные объекты и предприятия Западно-Сибирского нефтегазового комплекса по общественному призыву прибыло 150 тыс. молодых посланцев, что составляло примерно 20 % от общего числа прибывших [4, с. 35]. В 1974–1985 гг. на строительство БАМа в составе Всесоюзных, республиканских, краевых и областных ударных отрядов прибыло 45 тыс. комсомольцев и молодежи

[1, с. 280]. В современной России найдется немало подобной патриотически настроенной молодежи, готовой уехать в необжитые края со своей жизненной установкой. Однако отсутствие государственной инициативы и поддержки делает это невыполнимым.

В начале 1990-х гг. со сменой государственного строя и переходом к рыночной экономике в Российской Федерации начались процессы естественной убыли населения. Для Сибири эта проблема обернулась своими особенностями. В районах нового освоения крупные промышленные предприятия являлись градообразующими, когда на них замыкались все городские объекты жизнеобеспечения. Структурная перестройка экономики обернулась для модели градообразования рядом серьезных проблем, главная из которых — прямая зависимость функционирования городских поселений от экономического состояния местных предприятий. Остановка производств, банкротство предприятий оборачивались социальной катастрофой для новых городов. Неуверенные в своем будущем сибиряки стали покидать обжитые места. В Иркутской области в разное время подобные прецеденты происходили в Усть-Илимске, Байкальске. Миграционный отток был характерен для всей некогда благополучной территории Братско-Усть-Илимского комплекса. С 1991 по 2010 г. его население сократилось с 581,7 тыс. чел. до 487,3 тыс. чел. или на 16,2 %¹.

Разрушительные социально-экономические процессы затронули все сибирские регионы. С 1989 по 2010 г. население Сибирского федерального округа сократилось на 1 814 тыс. чел. или на 8,6 %. Наибольшее снижение численности населения отмечалось в Забайкальском крае — 268 тыс. чел. (19,5 %), в Иркутской области — 395 тыс. чел. (14,1 %), в Кемеровской области — 408 тыс. чел. (13 %). В то же время численность населения Республики Тыва оставалась неизменной, а число жителей Республики Алтай даже увеличилось. Низкий уровень рождаемости в Сибири не обеспечивал даже простого воспроизводства населения. В целом по Сибири только в 2009 г. уровень рождаемости сравнялся с

¹ Численность населения по городам и районам : стат. бюл. Иркутск, 2010. С. 3–5.

уровнем смертности. В миграционных процессах преобладала внутрисибирская миграция. По данным переписи населения 2010 г., в Сибири проживало 19 254 тыс. чел., из них 28 % — в сельской местности¹.

Еще более тяжкими демографическими последствиями рыночные реформы обернулись для регионов Дальнего Востока. С 1989 по 2010 г. население Дальневосточного федерального округа сократилось с 7 950 тыс. чел. до 6 292 тыс. чел. или на 20,9 %. Более всего своих жителей потеряли Чукотский автономный округ — 68,9 %, Магаданская область — 40,1 %, Камчатский край — 31,78 %, Сахалинская область 29,9 %². Несколько в меньшей демографической пропорции пострадали пограничные с Китаем субъекты ДФО. Однако между демографическим потенциалом России и Китая на Дальнем Востоке уже давно существует огромная разница. Плотность населения на китайской стороне границы в 15–30 раз выше, чем на российской. В дальневосточных регионах РФ живут 4,3 млн чел., а в трех соседних провинциях КНР — более 120 млн чел. На один километр границы на одного россиянина приходится 63 тыс. китайцев, на один квадратный километр сопредельных территорий — 380 тыс. китайцев на одного российского гражданина [3, с. 835]. Подобная демографическая проблема соприкасается уже с проблемой национальной безопасности России.

Потери населения Сибири приводят к ежегодному снижению внутреннего регионального продукта в сибирских регионах. Оживающие стройки и новые производства испытывают острую нехватку квалифицированных работников. В связи с этим хотелось бы привести отдельные печальные приме-

ры. В 1990-х гг. для строительства и пуска Бурейской ГЭС в Амурской области нужных специалистов искали на всем постсоветском пространстве. Или еще пример. В 2006 г. было возобновлено начатое еще в советское время строительство Богучанской ГЭС, а пуск первых ее агрегатов перенесен на 2013 г. По проекту ее электроэнергию будут потреблять строящиеся Тайшетский и Богучанский алюминиевые заводы. Если еще в безработном Тайшете остались работники бывшей стройиндустрии БАМа, то на Богучанах их просто не может быть. Только для первой очереди Богучанского завода потребуется около 900 чел., а в малозаселенном районе остались одни охотники да рыбаки, далекие по своему менталитету от индустрии. А вот создавать социальную инфраструктуру для привлечения специалистов считается накладным для алюминиевого олигарха Дерипаски, участвующего в проекте в рамках частно-государственного партнерства.

В 2003 г. сотрудники Брукинского института Ф. Хилл и К. Гэдди написали книгу «Проклятие Сибири», в которой исследовались вопросы переселения избыточного населения Сибири в европейскую часть России. Американские авторы утверждают, что при наличии даже огромных минеральных ресурсов стоимость содержания сибирских городов не оставляет надежд на прибыль [5, с. 148–150].

При всем несогласии с основными положениями этого труда, которые противоречат национальным интересам России, все же они заставляют вновь задуматься о будущем Сибири. Дальнейшее отношение к Сибири, как к сырьевому придатку российской экономики, грабительские налоги на добычу газа и нефти могут лишь способствовать зарубежным оппонентам в навязывании чуждых идей и предложений.

Список используемой литературы

1. Власов Г. П. Формирование трудовых ресурсов в регионе БАМа / Г. П. Власов, Н. Г. Власова // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Новосибирск, 30 июня–2 июля 2010 г. — Новосибирск : Параллель, 2010. — 307 с.
2. Ключевский В. О. О русской истории: сб. / В. О. Ключевский ; под ред. В. И. Буганова. — М. : Промсвещение, 1993. — 576 с.
3. Сатаев А. Г. Миграция иностранных граждан на Дальний Восток и проблема национальной безопасности России / А. Г. Сатаев // Право и политика. — 2009. — № 4. — С. 834–841.
4. Тимошенко Л. И. Проблемы формирования населения и индустриальных кадров для районов нового промышленного освоения Сибири в государственной политике СССР / Л. И. Тимошенко // Деятельность

государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX–начале XX вв. : сб. науч. тр. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2010. — Вып. 2. — С. 3–45.

5. Хотин Л. Сибирское проклятье? / Л. Хотин // ЭКО. — 2005. — № 1. — С. 148–166.

6. Цыкунов Г. А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект) / Г. А. Цыкунов. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — 176 с.

7. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке / Г. И. Шмелев. — М. : Наука, 2000. — 256 с.

References

1. Vlasov G. P., Vlasova N. G. The forming of workforce in the region of the Baikal-Amur Mainline. *Stanovlenie industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione: podkhody, issledovaniya, rezultaty: materialy mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, 30 iyunya–2 iyulya 2010 g.* [The formation of the industrial-urban society in the Ural-Siberian region: approaches, studies, outcomes: proceedings of the interregional research conference, Novosibirsk, June 30-July 2, 2012]. Novosibirsk : Parallel Publ., 2010. P. 281 (in Russian).

2. Klyuchevskiy V. O. *O russkoy istorii* [About Russian history]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1993. 576 p.

3. Sataev A. G. Migration of the foreign citizens to the Far East and the problem of the Russian national safety. *Pravo i politika – Law and politics*, 2009, no. 4, pp. 834–841 (in Russian).

4. Timoshenko L. I. Problems of the labor force and population forming for migration to the regions of in the governmental policy of the USSR. *Deyatel'nost gosudarstvennykh organizatsiy po industrial'nomu osvoeniyu Sibiri v XIX–nachale XX vv.* [Performance of the government entities on the industrial development of Siberia in the 19th–beginning of the 20th century]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatelstvo Publ., 2010. Iss. 2, pp. 3–45 (in Russian).

5. Khotin L. Is Siberia cursed? *EKO – ECO*, 2005, no. 1, pp. 148–166 (in Russian).

6. Tsykunov G. A. *Angaro-Eniseyskie TPK: problemy i opyt (istoricheskiy aspekt)* [Angaro-Yenisei territorial production complex: problems and experience (from the historical perspective)]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1991. 176 p.

7. Shmelev G. I. *Agrarnaya politika i agrarnye otnosheniya v Rossii v XX veke* [Agrarian policy and agrarian relations in Russia in the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 256 p.

Информация об авторе

Цыкунов Григорий Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tsykunov-ga@isea.ru.

Author

Tsykunov Grigory Aleksandrovich — Doctor habil. (Historical Sciences), Professor, Chair, Department of Theory and History of state and law, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: tsykunov-ga@isea.ru.